

EDN: XZIOAD

Редакторская заметка

Editorial

ГЛОБАЛИСТСКУЮ ИДЕОЛОГИЮ В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ЕЩЁ ТОЛЬКО ПРЕДСТОИТ ПРЕОДОЛЕТЬ

Прошёл первый год после утверждения обновлённой версии Стратегии научно-технологического развития России¹. О результатах говорить рано, но о несовершенстве замысла, которое во многом может предопределить будущие результаты, говорить необходимо. В Стратегии содержится глубокое противоречие между заявленной целью достижения страной технологического суверенитета и остаточной глобалистской идеологией её научно-технологического развития. Документ нуждается в коренной переработке с позиций национальных интересов России, что предполагает отказ от глобалистской идеологии.

Из любого документа, как из исторического источника, можно узнать не только о том предмете, о котором он повествует, но и об авторе документа – о его мышлении и понимании им рассматриваемого события, процесса, явления. Стратегия чрезвычайно информативна в этом отношении, она позволяет увидеть то, как авторы документа понимают научно-технологическое развитие России. Первоначальный вариант Стратегии образца 2016 г.² был последовательно глобалистским по идеологии. Но и последний вариант Стратегии (2024 г.) лишь косметически затронул её концептуально-идеологическую основу. Это видно по логике и фразеологии документа, по его конструкции и по сути содержащейся в нём концепции научно-технологического развития страны³.

В Стратегии образца 2016 г. назначение и развитие российских науки и технологии связываются с «большими вызовами» – глобальными проблемами человечества и цивилизации, а не с решением проблем страны, хотя любое государство может участвовать в решении глобальных проблем прежде всего с учётом их преломления к этой стране. Россия и Уганда ощущают глобальные проблемы

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант.ру : [сайт]. URL: <https://garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 24.02.2025).

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 24.02.2025).

³ См. об этом: Семёнов Е. В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/smtpr.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

(климатические, демографические и др.) очень неодинаково, их возможности в решении локальных и глобальных проблем тоже неодинаковы. Но в Стратегии 2016 г. проблемы страны, состояние отечественной научно-технологической сферы, имеющийся в России потенциал, обеспеченность поставленных задач ресурсами не рассматриваются. Цели научно-технологического развития страны выводятся не из её проблем и возможностей, а из достаточно абстрактно сформулированных глобальных угроз человечеству и цивилизации, будто документ изготовлен не в России и для России, а в каком-либо аналитическом центре по заданию международной организации.

«Большие вызовы» и в первой, и в последней редакциях Стратегии формулируются без учёта специфики их проявления применительно к России. Это именно глобальные вызовы для человечества. В соответствии с таким подходом научно-технологическое развитие России растворяется в развитии человечества и цивилизации. По логике обеих версий Стратегии – 2016 г. и 2024 г., развивая человечество и цивилизацию, российская наука и технологии в том числе, среди прочего служат и стране тоже. Такая реинкарнация «открытой России» и «открытой науки» из 1990-х гг. странно смотрелась в 2016 г. и тем более в 2024 г. В документе ООН такая логика и глобалистская идеология были бы уместны, в национальной же стратегии они должны быть противоположными. Национальные наука и технологии являются важнейшим ресурсом развития прежде всего страны. При этом, развивая страну, решая её проблемы, национальные наука и технологии тем самым одновременно, конечно, вносят вклад также в развитие человечества и цивилизации. Но Стратегия научно-технологического развития России должна быть направлена на решение именно и прежде всего проблем страны, поскольку это стратегия развития не всего человечества, а конкретного государства.

Научно-технологическое развитие России в Стратегии образца 2016 г. и образца 2024 г. понимается как ответ на «большие вызовы». В откровенно глобалистской по духу Стратегии 2016 г. (п. 14) прямо говорится: «При этом наука и технологии являются одним из инструментов для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества». Согласно этому документу, российская наука и технологии должны служить не только цивилизации, но и человечеству. В чём, кстати, здесь разница? Нацеленность отечественных науки и технологий на проблемы и интересы страны в этой формуле даже не упоминается. Документ и структурно, и содержательно выдержан в рамках этого глобалистского подхода к использованию страны в интересах человечества и цивилизации. Через восемь лет в обновлённой Стратегии 2024 г. (п. 14) эта формулировка подверглась некоторому редактированию и при сохранении её конструкции, но уже с упоминанием национальных интересов изложена в такой редакции: «При этом российские наука и технологии являются ключевым инструментом для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении национальных интересов, но и в решении глобальных проблем человечества». Это уже близко к тому, что должно быть в национальной стратегии, но и здесь самой конструкцией прежней фразы, выражавшей глобалистское видение, документ будто бы извиняется перед человечеством

и цивилизацией за то, что допускает служение национальных науки и технологий интересам страны.

Это объясняет факт отсутствия и в обновлённой версии Стратегии анализа состояния, проблем и потребностей научно-технологической сферы страны, оценки её возможностей и ресурсного потенциала. Хотя между первоначальной и последней версиями Стратегии – соответственно 2016 и 2024 гг. – лежит достаточно продолжительный период, в последней редакции документа отсутствуют также анализ и оценка того, что сделано за прошедшие годы, как проявили себя используемые механизмы и инструменты, в т. ч. основной профильный национальный проект (первоначально «Наука», затем «Наука и университеты»), что удалось и что не удалось, как в соответствии с этим нужно уточнить цели и задачи, методы и мероприятия. Вместо этого вновь повторены чуть подредактированные «большие вызовы» и задачи. Исходное несовершенство замысла, связанное с глобалистским взглядом на страну и её научно-технологический потенциал, в документе сохранено, хотя и в несколько приглаженном виде.

Но России, её науке и технологиям для их успешного развития необходим совсем другой взгляд и другое отношение к ним. Стратегия научно-технологического развития России нуждается в кардинальной переработке с позиций коренных интересов национального развития и с учётом исторической конкретности переживаемого страной периода, актуальных внутренних вызовов (невосприимчивость реального сектора экономики к научно-технологическим достижениям, бюрократия, коррупция и др.) и внешних угроз (санкционная агрессия и война коалиции полусотни стран, направленные на нанесение России стратегического поражения). Требуется и трезвая без показухи и похвальбы оценка ресурсных возможностей национального научно-технологического потенциала. При переработке Стратегии полезным было бы обращение к основательному отечественному опыту научно-технического прогнозирования в последние два десятилетия советской истории, в первую очередь опыту подготовки и интеграции в систему государственного управления «Комплексной программы научно-технического прогресса».

При обрушении советской системы в 1991–1992 гг. и погружении России в затяжной «переходный период» в обществе и во власти радикально изменились в худшую сторону понимание роли национальной научно-технологической сферы в развитии страны, а наряду с этим место научно-технологической политики в стратегической государственной политике и место управления научно-технологической сферой в системе государственного управления. В итоге изменились роль и место самой научно-технологической сферы в жизнедеятельности российского общества, включая материальное производство, образование, здравоохранение, государственное управление. Поскольку новый правящий класс, сформировавшийся за счёт приватизации государственной собственности и власти в разрушенной стране, мыслит не категориями развития страны, а категориями частного интереса и собственной интеграции в глобальную систему, то с начала 1990-х гг. на десятилетия вперёд произошёл отказ от самостоятельной постановки целей и самостоятельного решения стратегических

вопросов развития. Произошло полное признание стратегических решений, принимаемых в других мировых центрах, и возникло согласие следовать за странами-лидерами. Ответственность за развитие собственной страны была фактически делегирована внешним центрам могущества. Хочется надеяться, что 2022 г. положил начало кардинального пересмотра такого положения дел, хотя по Стратегии в её редакции 2024 г. этого сказать нельзя.

Е. В. Семёнов